

СТРАННЫЙ театр — Театр сатиры, если те, кто стал его лицом и визитной карточкой, те, чьи имена считаются всеми чуть ли не синонимом названия и самого месторасположения театра, в сегодняшней каждодневной жизни этого театра, в репертуаре почти не востребованы. Или скажем так: их занятость несоразмерно ниже того почти синонимического значения, которое давно уже даже редких зрителей Сатиры заставляет связывать имя театра с этими актерами. Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Ольга Аросева. И, конечно, она, Вера Васильева. Славу Театра сатиры они давно уже привыкли поддерживать «на стороне». И им самим уже давно не нужно называться актерами такого-то театра. Говорят — Вера Васильева. Или — Александр Ширвиндт.

был бы, наверное, более подходящим. Васильева — русская актриса с бытовой характерностью, мягким русским юмором, теплым и домашним, уютным голосом — не западная актриса, за то и любимая.

То же, что в Театре сатиры ей часто доставались роли в западном репертуаре (по сию пору), легко объяснить цельностью натуры, внешней, то есть кажущейся, прямолинейностью характера, — русским героиням надобна была большая (или — хоть какая-нибудь), выраженная вовне раздвоенность, раздробленность, мятежность... А какую мятежность можно разглядеть в очаровательной улыбке Васильевой? Добрейшей души человек. Одна благодать. И — мир.

И выходило, что лучшие, наименее интересные для себя роли она получала там, где поначалу дорого было само ее участие, сам приезд. Орловский драматический театр пригласил ее сыграть Кручинину в «Без вины виноватых».

старикам, мастерам, чем к молодежи. Еще студенткой снялась в «Сказании о земле сибирской» в роли Настеньки, девушки-бойца и певуны. И будто бы понравилась Сталину, и ей, студентке, дали Сталинскую премию: «*Не общественница по природе и не боец, не умеющая «душу положить за други своя», Верочка долгие годы со старанием занимается общественной работой*». И ведь всех сумела она убедить в том, что никто лучше, чем она, не справится с решением социальных вопросов. Не со сбором денег на венки (как профсоюзная активистка в «Служебном романе»), а именно — в самой деятельной помощи.

Родившаяся и выросшая в простой семье, Вера Васильева из тех, кого в Америке принято называть «селф-мейд», — по-русски, она сама себя сделала, создала своей, как видно, недюжинной волей. Она сумела расширить изначально небогатые данные. Даже голос ее, всеми любимый, та-

К юбилею Веры Васильевой

ВЕРА КУЗЬМИНИЧНА И ТЕАТР САТИРЫ

Неувядающая красота.
— 2000. —
— 30 сент.
— с. 7

А в голове механически и машинально их имена «выкликают» — как часть их фамилии или отчество — Театр сатиры. И бессмысленно им, даже если такая мысль и взбредет кому-то в голову, уходить в какой другой театр, поскольку этот новый для них будет тем же Театром сатиры, и их самих будут по-прежнему искать по старому месту прописки.

Они и не уходят, довольствуясь тем, что предлагает родной театр. И кажется, что так может длиться еще целую вечность. И не одну.

Сколько бы она ни играла на этой сцене (в смысле — так несправедливо мало, как сейчас или даже пять лет назад, тем более что прошедшие несколько лет мало что изменили в ее жизни, непосредственно связанной с Театром сатиры) и что бы она ни играла здесь, без Васильевой Театр сатиры невозможно представить.

Вера Кузьминична Васильева выглядит прелестно и в жизни, и на сцене. Даже в тех ролях, которые, подобно Эстер из «Священных чудовищ», как будто специально написаны не для нее. Но она так обаятельна, так мила, так узнаваема; знаменитые ямочки на щеках и смелость, с которой она легко освобождается от одежды, открывая плечи; и сами одежды, всегда — безукоризненные, подобранные с ее строгим вкусом; и голос, и молодость — не то, чтобы неувядающая, а, кажется, неизменная.

Выходя на сцену — в театре, или на каких-то праздничных юбилейных торжествах, — ей точно в тягость стереть с лица улыбку, и эта улыбка действует всегда наповал, заставляя улыбнуться в ответ. Кажется, что добрая. Кажется, что открытая. Точно — что легкая. Легкость сопутствует и сегодня ее походке, как будто чуть танцующей (в разных ситуациях это может быть пластика, близкая вальсу или более чопорному и мерному менуэту). Танцует же она легко, с изяществом. Замечательная сама по себе, так что публике по-прежнему неважно, скажет ли она просто несколько ободряющих полуофициальных слов или будет играть. Островский это или Жан Кокто. Хотя Островский

Вера Кузьминична Васильева.
Фото Петра Кассина (НГ-фото)

А до того сыграла, кажется, еще и в Тверском драматическом театре Раневскую в «Вишневом саде». В Москве ее энтузиазм заметил Борис Львов-Анохин и предложил роль в спектакле Нового драматического театра. Одну, потом — другую...

В Сатире среди прежде сыгранных лучших ее ролей — Графиня в «Свадьбе Фигаро» и губернаторша Анна Андреевна в «Ревизоре».

В ней достаточно холодности и рассудочности, чтобы играть в апуевских пьесах или Кокто (ямочки, ямочки всех сбивают с толку!).

В ней так много *русскости*, что среди русских пьес трудно назвать те, которые *не ее*. Скорее, конечно, не в простонародных, а в дворянских, аристократических сюжетах, где кстаи бы пришлась ее природная холодность, умение установить и сохранять дистанцию, — в таком репертуаре свое для нее если не все, то почти все. И тут очень многого она не сыграла.

В книге Ольги Аросевой, одной из последних по времени мемуарных книг, вышедших из Театра сатиры, о Вере Васильевой сказано между прочим что она с юных лет, очень рано став знаменитой, держалась ближе к

кой домашний и родной, — она сама сделала таким. Не очень красивый, но запоминающийся, низкий, с какими-то неожиданными мелодичными — почти певучими — интонациями, при этом — слегка хриловатый. В целом же — необычный для женщины ее внешности.

Чтобы добиться нынешнего своего положения, нужен был ум. Ум у актера — редкость, у актрис — тоже, но в квадрате. У Васильевой ум есть, и это видно по тому, как и что она говорит, как и что не говорит, по тому, как держится. Она умна и тактична. Даже сейчас, когда это модно, Вера Васильева не выносит сора из избы, продолжая по-партизански твердить, как хорошо ее встретили в свое время в Театре сатиры и как всегда любили. А она отвечала тем же, — говорит о себе Вера Кузьминична.

В ее простоте совершенно отсутствует какая бы то ни было вульгарность. Она чиста, холодна и бодряща, неважно даже, открыто или тайно любимая (все равно всеми!), и вызывающая чувство национальной гордости. Как русская водка, сказали бы мы. Но сравнивать женщин с такими крепкими напитками не принято. ■